

Юрий БАШМЕТ:

Возв. клуб. - 1996. - 3 февр. - с 7.

АЛЬТ НЕЛЬЗЯ МУЧИТЬ, ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО

Внутренняя гармония зримо и незримо сопутствует этому артисту. Первый альтист мира **Юрий Башмет** прост и естествен в даже редком общении, свободен и легок в движении, экспрессивен в дирижировании и... потрясающе отстранен, когда берет в руки альт. Ищите его записи, не пропускайте его концерты, смотрите по ТВ его "Вокзал мечты".

— Ровно двадцать лет назад вы победили на Международном конкурсе альтистов в Мюнхене. Можно считать, что с этого и началось мировое признание?

— Конкурс был организован Баварским радио и телевидением, и это сразу же дало мне возможность прославиться. Я отправился в гастрольную поездку по семнадцати городам Германии. До сих пор считаю, что просто повезло.

— Правда ли, что до вас ни один альтист не имел сольных ангажементов?

— В этом смысле я был пионером. Но после конкурса, пожалуй, еще лет пять меня не признавали в Англии и Австрии. Англия — одна из престижных стран для музыкантов. Если артист с успехом "проходит" в Лондоне, можно считать, что вся Европа у его ног.

— Как вы считаете, почему альт два века или даже больше оставался лишь оркестровым инструментом?

— Альт — инструмент необычный, засекреченный. Даже мистический. Альт сконструирован раньше, чем скрипка и виолончель. Это инструмент аристократов. Скрипка — ярче, громче. Паганини долгое время играл на альте, а потом перешел на скрипку — надо было завоевывать слушателя. Но если преодолеть все сложности альтя, с ним происходит метаморфоза, как с Золушкой. Кроме того, надо самому немало прожить, чтобы взяться за альт.

— Но сольных сочинений для него мало. Это сейчас "под вас" пишут современные композиторы.

— Альтовый репертуар действительно не большой. Зато каждое сочинение — это шедевр! Скажем, сонаты Баха, дуэты для скрипки и альтя Моцарта, его же Концертная симфония, Трио и Квинтет Брамса, "Гарольд в Италии" Берлиоза. И два шедевра XX века: Соната для альтя Шостаковича, посвященная моему учителю Федору Дружинину, и альтовый Концерт Шнитке, посвященный мне.

Я переиграл более двадцати сочинений для альтя, написанных специально для меня современными композиторами. Одна из премьер состоялась на последних "Декабрьских вечерах". Это "Метаморфозы темы Баха" Романа Ледевева.

— С вашей точки зрения, много ли у вас удачных концертов?

— Если по самому высокому счету, у меня как солиста в жизни был только один настоящий концерт. Однажды во Франции я сыграл так, как хотел, как только мог мечтать...

— По собственному ощущению? Или судя по отношению публики?

— Мне показалось, это был просто сеанс гипноза. Я последний звук отыграл, поклонился в полной тишине, потому что никто не аплодировал, и ушел. А играл я Сонату Шостаковича, после которой, по-моему, и не должно быть аплодисментов. Так что публика правильно отреагировала. А для меня это было точное попадание в десятку.

— У вас какой-нибудь особенный альт?

— Я купил его, как раз когда оканчивал консерваторию, играю на нем и сейчас. Мы с нашим знаменитым мастером смычковых инструментов Анатолием Семеновичем Кочергиным искали положение дужки моего альтя, чтобы он звучал. Кочергин наладил мне инструмент, но потом я опять пришел: не звучит! А он увидел, что я сам двигал дужку, что все наперекосяк, рассердился и говорит: "Если ты сам будешь что-то трогать, больше не ходи ко мне! Альт — это живое существо, он реагирует на погоду, на сырость, на сухость, на настроение того человека, который взял его в руки. Это дерево — живые клетки. Эти клетки там в альте перемещаются, выстраиваются в какие-то линии. Не смей мучить альт! Лучше занимайся больше". Вот так. Теперь ничего не трогаю. Сам мучаюсь...

— Я смотрю, вы много курите. Не пробовали бросать?

— Как-то отменил концерт. Очень плохо себя чувствовал и подумал, что если уже приходится отменять концерт по здоровью, не буду курить! Но, честно говоря, продержался десять

дней. Курю "Ротманс" уже почти 20 лет. Этой фирме давно пора стать спонсором моего оркестра "Солисты Москвы", потому что я всегда, даже на экране телевизора, с пачкой "Ротманса".

— Так выходите с предложением!

— Пожалуй, надо!

— Вы создали свой оркестр "Солисты Москвы", теперь уже очень популярный. Дирижирование было вашей мечтой?

— Здесь сыграл свою роль случай. Однажды на фестиваль во французский город Тур не приехал дирижер Валерий Гергиев. Срывался концерт молодежного симфонического оркестра. Менеджер предложил продирижировать мне. Я отказывался до последнего. Ведь до этого я поливал всех дирижеров, считая, что дирижирование — дело темное. Менеджер не отставал. В конце концов он меня уговорил: "Оркестранты тебя любят. Кроме того, мы же во Франции, а не в Москве. Провалишься, кто узнает?" Сейчас я даже не представляю себе, как я пошел на такую авантюру! В жизни ни одного урока по дирижированию не взял ни у кого. И не так уж следил, кто и как из дирижеров размахивает палочкой. (Сейчас-то уже слежу...) Концерт был фантастический по эмоциям, по энергии. Я вернулся в Москву буквально больной. И один мой друг посоветовал мне создать свой оркестр. Так появились "Солисты Москвы" — первый состав, с которым мы через несколько лет "развелись". Новому составу "Солистов" около четырех лет. Это совсем молодые ребята, очень талантливые и интересные.

— Неужели так и не было ни одного урока дирижирования?

— Был один. С Валерием Гергиевым. Урок замечательный. Я его ценю все больше и больше, хотя прошло много лет. Он состоял в том, что Гергиев мне сказал: "Я вижу, как ты бьешься, стараешься устроить жизнь своих артистов, выбиваешь им московские квартиры. Но однажды ты что-нибудь сделаешь "против шерсти", они забудут все хорошее"...

— Вас считают благополучным человеком, который не вылезает из-за границы...

— Это миф, созданный прессой. До сих пор в России есть журналисты, которые не бывают на моих концертах и еще смеют говорить, что не могут попасть в Большой зал консерватории из-за дороговизны билетов! На самом деле, наверное, им мои концерты просто не нужны. Они же "освещают" событие, а не являются фанатами классической музыки. Многие не знают, что у меня всегда, и в советское время, была масса ангажементов на Западе, но никогда не было на Западе ни дома, ни даже квартиры. Я много гастролирую по городам России, регулярно бываю в Санкт-Петербурге на фестивале "Белые ночи", обязательно выступаю в Нижнем Новгороде на фестивале имени Андрея Сахарова, в Твери, Вологде, где угодно... Я никуда уезжать не собираюсь.

— А где труднее выступать — в России или на Западе?

— Единственное место, где я волнуюсь, — это Большой зал Московской консерватории. Для меня Большой зал — это Рихтер, Ойстрах, Ростропович, Коган, Кремер...

— Как вы все успеваете?

— Я веду две нормальные, на двух человек поровну разделенные концертные жизни — как солист и как дирижер оркестра "Солисты Москвы". Преподаяю в Московской консерватории. Плюс телевидение, где ежемесячно выходит моя программа "Вокзал мечты". Мне кажется, я ничего не успеваю...

— Выходит, кроме музыки, в вашей жизни больше ничего нет?

— Я очень люблю кино. Люблю читать, но только то, что мне интересно. Лучшие стихи для меня — это Пушкин. Лучший джаз — традиционный, скажем, Оскар Питерсон. Не люблю смешивать жанры. Хотя есть исключения: скажем, песни группы "Битлз". Они в своем жанре, но на грани. Люблю интеллигентные шутки. Здесь для меня непревзойденный идеал — скрипач Гидон Кремер. У него всегда все на очень высоком уровне... Ничего делать по дому, мастерить не умею. Правда, однажды своими руками прикрутил пепельницу к столу и был счастлив целый месяц.

— А из творческих занятий?

— В принципе мне жалко, что я не умею рисовать. В детстве пробовал, иногда получалось. Но это требовало невероятной концентрации за счет чего-то другого. Мама сохранила мои тетрадки. Сейчас смотрю — кое-что ничего... Но ко всему нужно относиться профессионально. Я в этом смысле счастливый человек! Потому что для меня музыка — это не работа, это хобби, за которое еще и деньги платят. Так уж совпало! Вот говорят: "Альт — это средний инструмент", а я говорю: "Альт — центральный инструмент". Что, разве стыдно, что я ничем больше не занимаюсь? А может, так и надо?

Встречалась
Лариса РОЩИНА.

Фото Александра РАТНИКОВА.